

Елена ЕРЗИНКЯН

Ереванский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕСТОИМЕННОЙ СЕМАНТИКИ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются особенности семантики местоименных слов, обусловленные их дейктичностью, в которой своеобразно переплетаются его когнитивные и прагматические характеристики. Обосновывается вывод о том, что в семантике местоимений выделяются два концептуальных составляющих: смысловой компонент абстрактного обобщенного типа, отражающий внеязыковую действительность, и некий «актуализатор», связанный с условиями коммуникации и позволяющий идентифицировать эту обобщенную информацию.

Ключевые слова: местоименная семантика, дейксис, относительность, контекстная обусловленность, когнитивная лингвистика, прагмасемантика

Местоимения, представляющие собой одну из самых ярких языковых универсалий и привлекавшие к себе внимание на всем протяжении развития научной мысли о языке, продолжают оставаться одним из центральных объектов исследования в современной лингвистике. Неослабевающий интерес к этому классу слов обусловлен его неоднородностью, а также когнитивно-семантической специфичностью понятия местоименной указательности, не получившей еще исчерпывающего определения в лингвистике, понятия, которое позволяет отразить чрезвычайно важные черты местоименной семантики.

Следует заметить, что местоимения и в коммуникативно-функциональном аспекте ведут себя как своеобразный класс слов. Будучи тесно связаны с ситуацией речи, они противостоят другим частям речи по основной своей функции – дейктической. С их помощью выделяется сфера говорящего лица как индивида, личности. Соотносясь способом указания с человеком говорящим, местоимения представляют в языке человеческое существо, индивида, личность в процессе осмысления мира и самого себя в этом мире, образуя центр понятийной сферы персональности и ее опорной точки – субъективности /Бенвенист, 1974: 257-328; см. также Ерзинкян, 2016: 76-81/. Система местоимений в этой связи рассматривается лингвистами как «исход смыслового строения языка и его смысловых категорий» /Шведова, Белоусова, 1995/, а личные местоимения – как языковая подсистема, в которой заложена понятийная основа лингвистической модели человека как личности /Цивьян, 1990/. Отсюда установление когнитивно-прагматических закономерностей языкового обозначения «Я-субъекта» с учетом челове-

ческого фактора меняет сложившееся представление об особенностях функционирования данного класса слов.

Главной отличительной чертой местоимений является то, что они лишь указывают на лица, предметы, свойства, явления, никак не называя последние. Следовательно, дейксис, определяемый как способ номинации, не приписывающий предмету наречения никаких свойств, а лишь указывающий на него через соотнесение с дейктическим центром, т.е. через адресную «отсылку» к некоторой точке отсчета, служащей ориентиром для характеристики предмета, является существенным признаком данного класса слов, его спецификатором.

Как пишет М. Д. Степанова, «логико-семантическим признаком местоимений является их косвенное указание на денотат. С данным критерием непосредственно связана дистрибуция большинства местоимений, так как они обязательно опираются на обозначение предмета или явления в контексте (узком или широком) или во внеязыковой ситуации, то есть лишь опосредованно обозначают денотат» /Степанова, 1977: 34/. Это вовсе не означает, что они лишены лексического значения: местоимения имеют свое собственное означаемое, причем построенное довольно сложным образом. «Сложность» эта заключается в том, что будучи лишенными *конкретного* предметного содержания, местоимения тем не менее наполняются конкретным смыслом в конкретной ситуации их употребления и в определенной степени зависят от интенции говорящего, что свидетельствует о своеобразии содержательной стороны местоимений в сравнении с остальными знаменательными классами слов.

Функциональные характеристики личных и указательных местоимений основаны на том, что они, являясь дейктическими знаками, служат средством референции. «Дейктический знак указывает на референт, т.е. предмет или явление действительности, с которым соотнесена в данном контексте или ситуации местоименная единица» /Вольф, 1974: 14/. Как отмечает Г. Рейхенбах, все дейктические «местоимения обращены на экземпляр» (token-reflexive), т.е. каждый экземпляр (token) местоимения имеет свой референт /Reichenbach, 1947/. Несмотря на то, что проблема семантики местоимений и их функциональных особенностей подробно освещалась в лингвистической литературе, где подчеркивалось их основное свойство служить средством референции, дискуссионным остается вопрос о принадлежности дейксиса местоименного слова к его *системным* (языковым) или *речевым* характеристикам.

Местоимения занимают особое место среди всех лексических единиц как в *семантическом* отношении, так и по своей *функциональной* значимости. Они имеют свое собственное сложно структурированное означаемое, состоящее из компонентов значения, дифференциальных признаков разного характера – собственно семантических и прагматически ориентированных.

По определению Н. Ю. Шведовой, местоименное слово существует как полифункциональная единица, обращенная одновременно как в область высших абстракций, так и в мир бесчисленных единичных сущностей /Шведова, 1998/.

Присущие местоимению семантические признаки характеризуют его роль в языке как «дейктического слова» (К. Бругман, К. Бюлер), «подвижного определителя»-«шифтера» (О. Есперсен, Р. Якобсон), «слова, обращенного в знак-указатель» (Г. Рейхенбах), «актуализатора, функция которого заключается в переводе виртуальных знаков в актуальные (Ш. Балли). Согласно последнему определению, данному Ш. Балли в рамках предложенной им теории актуализации, главным свойством местоименных слов является «отсылка к акту речи».

В рамках когнитивно-коммуникативного подхода проблема значения местоимений решается с учетом этого прагматического фактора. Особая роль дейктических местоимений заключается в указании на непосредственную отнесенность своих референтов к речевой ситуации, поэтому анализ их семантики невозможен без анализа ситуации общения, центром которой является познающий мир субъект – говорящий-наблюдатель. Отсюда основной функцией дейктических местоимений является указание на объекты окружающего мира именно с позиции говорящего-наблюдателя, который категоризирует их по отношению к речевой ситуации.

Прежде чем перейти к характеристике лингвистического аспекта проблемы определения семантической специфики дейктических местоимений как номинативных единиц, регулярно употребляющихся в функции индивидуализации, еще раз подчеркнем, что, несмотря на выделяемую исследователями дейксиса ситуативную значимость дейктических (местоименных) словесных знаков как основную их характеристику, следует помнить, что дейктические словесные знаки обращены к определенному фрагменту внеязыковой действительности. Поэтому необходимо, в первую очередь, анализировать их содержательную структуру и ставить вопрос об их языковом статусе.

Современный этап развития семасиологических исследований все чаще опровергает существовавшую систему взглядов на местоимения как на «неноминативные», «лексически безличные», свободные от референциальной соотнесенности с реальной действительностью перманентные знаки (сравним также часто встречаемые в литературе термины: «неполнознаменательные», «грамматикализованные», «делексикализованные», «десемантизированные», «опустошенные», «слова с диффузным значением», «ущербные» и под.), не имеющие своего самостоятельного или виртуального парадигматического значения, приобретающие смысл только в речи и противопоставленные номинативным знакам языка, называющим объект и выражающим понятие об объекте (Г. Суит, Г. Керм, У. Коллинсон, Э. Бенвенист, Л. Теньер и др.).

Несколько менее категоричную, однако, по сути, такую же точку зрения высказывает А. И. Смирницкий. Отмечая, что «по самому характеру своей семантики местоимения оказываются как бы *лишенными постоянного и закрепленного* (выделено нами. – Е. Е.) за ними значения в том смысле, что местоимения не выступают как постоянное обозначение того или иного определенного предмета или признака», А. И. Смирницкий тем самым фактически связывает свой вывод с отсутствием у местоимений постоянного класса денотации, постоянной денотативной отнесенности /см. об этом: Смирницкий 1959: 177/. Трактовку местоимений как слов «насквозь грамматических», лишенных «собственного лексического, материального значения», находим у Р. Якобсона, рассматривавшего разряд личных местоимений как знаков особого рода, лежащих на пересечении кода и речевого акта /Якобсон, 1972/.

В настоящее время в теории местоимения достаточно аргументированным является положение о том, что местоимения не являются «пустыми» знаками, употребляющимися вместо имени, как это можно было бы заключить, исходя из этимологии термина «место-имение» (местоимение) /В. В. Виноградов/. Местоимения, как и все дейктические слова, обладают вполне определенным, постоянным значением (Г. Штейнталь, К.Бюлер, А. А. Потеня, А. М. Пешковский, У. Вейнрейх, М. И. Стеблин-Каменский). Наличие у местоимений постоянного значения отмечается и в ряде других работ (см., например, Уфимцева, 1974; Вольф, 1974; Селиверстова, 1988; Стернин, 1973; Николаева, 1985; Ерзинкян, 1988).

Согласно О. Н. Селиверстовой представление об отсутствии у местоимений значения могло возникнуть по следующим трем основным причинам: а) местоимения не характеризуют объект в соответствии с его собственными свойствами; б) местоимения не имеют постоянного класса денотации, т.е. местоимения не выступают как постоянные обозначения того или иного определенного предмета или признака; в) значение местоимений не исчерпывается характеристикой участника события через его отношение к акту речи или через его отношение с элементами контекста, в их значении есть что-то еще, что при этом не удастся определить. Этим можно объяснить частые ссылки на конкретизацию местоименного значения в речи. Исследователь заключает, что отсутствие «устойчивой» денотативной отнесенности есть одно из следствий, к которому приводит своеобразие местоименного значения, но это следствие не доказывает изменчивости самого значения /Селиверстова, 2004: 409-410/.

Сложность и «трудноуловимость» семантики местоимений отразились в существовании разных концепций значения местоимений.

Как представляется, местоимения, как и другие дейктические слова характеризуются особым *местоименным* (дейктическим) типом значения, которое выделяется нами наряду с лексическим (понимаемом как «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем

представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» /ЛЭС, 1990: 261/) и грамматическим (понимаемом как «обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке свое регулярное (стандартное) выражение» /ЛЭС, 1990: 116/) и занимает промежуточное положение между ними. Дейктическое значение р а з д е л я е т свойства как лексического, так и грамматического типов значения. Семантика дейктических единиц носит полифункциональный, «комплексный» характер. Если по форме своего существования в языке и «связанности» с объективным миром (дейктические слова, как отмечалось, отражают и обозначают реальные отношения, существующие между говорящим, слушающим, предметами, событиями в объективной действительности) дейктическое значение разделяет свойства лексического значения, то по форме и степени своей обобщенности, абстрактности и широкозначности, «категориальности», наконец, оно скорее приближается к значениям грамматическим. Кроме того, подобно лексическим, значение собственно дейктических/ местоименных слов имеет в большинстве своем формально невыраженный характер; подобно грамматическим, дейктические значения могут быть исчерпывающе представлены списком (лицо, место и время).

О трудности и даже невозможности проведения четкой границы между лексическим и грамматическим элементами в значении местоимений написано немало. Высокая степень абстрактности их значения, его обобщенность и отвлеченность признаются всеми. Еще А. М. Пешковский называл местоимения единственной и совершенно парадоксальной в грамматическом отношении группой слов, в которой такие неграмматические части слов, как корни, передают чисто грамматическое значение, определяемое им как значение отношения говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит /Пешковский, 1938/. В. В. Виноградов считал местоимения выразителями наиболее общей идеи предметности, качественности и т.д. /Виноградов, 1972/. Однако признание близости местоименного значения значению грамматическому, как представляется, не обязательно ведет к отрицанию наличия у данного класса лексического значения. Возможно поэтому другие исследователи приписывали местоимениям чрезвычайно конкретное, но не постоянное, ситуативно изменчивое значение /Смирницкий, 1959/. Вместе с тем содержание лексического значения местоимений довольно единообразно, так как местоимения «определяются как слова, которые по содержанию своего лексического значения выражают отношение говорящего к действительности, которое требует уточнения в процессе речи или иначе – самоориентации субъекта речи по отношению к предмету речи» /Стеблин-Каменский, 1974: 22/.

Ряд других авторов считает, что семиологическая специфика местоимений заключается в том, что они функционируют как единицы субъективной системы, отличительным признаком которой является реля-

тивность устанавливаемых в ее границах семантических отношений /Рассел, 1957: 97-98; Бюлер, 2001: 87-105/.

Рассмотрение местоимений с точки зрения их отражательной специфики подтверждает обоснованность вывода о том, что они образуют особую группу языковых знаков, выполняющих в высказывании (вследствие присущей им опосредованной номинативной функции) индивидуализирующие функции, реализующиеся на базе указательности. Поскольку, в отличие от существительных и других полнозначных частей речи, местоимения не именуют, не называют, а указывают на объект, выделяя его релятивные признаки, определяемые по отношению данного объекта к говорящему или к иной точке отсчета, они функционируют как прагматические переменные, актуальные смыслы которых складываются под влиянием параметров речевого акта, в котором они функционируют.

Подведем итог: значение местоимений определяется через понятие дейктивности (указательности) и представления референта, выделяемого человеком, в качестве «предмета мысли и речи». По определению А. М. Пешковского, местоимение «обозначает отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» /Пешковский, 1938: 163/, а приписывание тех или иных характеристик референту при обозначении его местоимением, происходит в соответствии с определенным способом представления лица/референта, т.е. его «видением субъектом мысли и речи в момент указания на него». С точки зрения выражения определенного видения референта субъектом мысли и речи означаемое каждого из местоимений, материализующееся в его форме, является постоянным, лежит в основе парадигматических связей между местоимениями и привносится данным местоимением в вариативные контекстные употребления. Это означает, что от ситуации к ситуации меняется не значение местоименного слова, а его референты. Следует также отметить, что денотативные возможности этих слов довольно широки. Вместе с тем они ограничены требованием непосредственного вовлечения референтов в речевой акт, что, однако, не обязательно требует нахождения их в одной пространственно-временной ситуации.

Несмотря на тесную связь семантики местоимений с ситуацией речи, собственно значение местоимений, т.е. та информация, которую местоимения передают о своем денотате (референте) не зависит ни от ситуации речи, ни от контекста как воссозданной ситуации: в характеристику, которую местоимения дают денотату, может входить указание, например, на ту роль, которую он играет в акте речи, в частности, местоимение I, указывая на лицо говорящего в данный момент в данном месте, служит средством референции, однако само это указание не меняется в зависимости от контекста или ситуации. Вместе с тем нельзя не признать, что для конкретно-референтной идентификации денотата необходимо *знание* ситуации речи, то дополнительное *конкретное знание*, которое позволяет идентифицировать денотат.

Так, значение местоимения I как указания на идентичность участника события автору речи, в которой это событие описывается, – есть та информация, которую передает это слово, и оно постоянно, оно не изменяется от одного речевого акта к другому и не зависит от контекста. Однако «непостоянен» его денотат, который определяется в конкретной речевой ситуации: конкретный референт и тот элемент ситуации (точка отсчета), к которому имеет место отсылка, каждый раз будут разными. Зависимость от ситуации речи и контекста выражается в отсутствии постоянной, «устойчивой» денотативной отнесенности, но это, как представляется, никак не противоречит наличию у местоимений своего собственного означаемого, пусть и построенного довольно сложным образом. Сложность его выражается, в первую очередь, в том, что необходимость определенной информации о ситуации речи для конкретной референции того ли иного местоименного слова как наиболее ярких представителей этого класса слов является *системно заданной* и закреплена в его семантике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2001.
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.–Л.: Высшая школа, 1972.
4. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974.
5. Ерзинкян Е. Е. Дейктическая семантика слова. Ереван: Издательство Ереванского университета, 1988.
6. Ерзинкян Е. Е. Дейксис слова: семантика и прагматика. Ереван: Издательство Ереванского государственного университета, 2012.
7. Ерзинкян Е. Л. Говорящий человек как языковая личность // *Иностранные языки в высшей школе*, 2016, № 3 (21).
8. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 2002.
9. Николаева Т. М. Дейктические частицы и изолированная ситуация // *Russian Linguistics*, v. 9, 1985, № 2-3.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938.
11. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. М.: Изд. иностр. лит., 1957.
12. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988.
13. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки слав. культуры, 2004.
14. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1959.

15. Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1974
16. Степанова М. Д. Части речи и критерии их выделения // Лингвистика и методика в высшей школе, вып. 7. М., 1977.
17. Стернин И. А. К проблеме дейктических функций слова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
18. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974.
19. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.
20. Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых отношений. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995.
21. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998.
22. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. М.: Наука, 1972
23. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. London: Macmillan, 1947.

Ե. ԵՐԶՆԿՅԱՆ – Դերանվանական իմաստ. ճանաչողական և գործարանական հայեցակերպ. – Հոդվածում դիտարկվում են դերանվանական իմաստի առանձնահատկությունները՝ պայմանավորված դերանվանական ցուցայնությամբ: Հիմնավորվում է այն դրույթը, որ դերանվանական իմաստը կազմված է երկու կոնցեպտուալ բաղադրիչներից. վերացական բնույթի իմաստային բաղադրիչից և որոշակի «առկայացուցիչից», որը հնարավոր է դարձնում վերացական իմաստի կոնկրետացումը և ասույթի ճիշտ ընկալումը:

Բանալի բաներ. դերանվանական իմաստ, ցուցայնություն, հարաբերականություն, համատեքստ, ճանաչողական լեզվաբանություն, գործարանական իմաստաբանություն

Y.YERZNKYAN – On Pronominal Semantics: a Cognitive-Pragmatic Perspective. – The paper touches upon the special nature of pronouns conditioned by their deictability and its specific pragmasemantic features. Pronouns have their own type of deixis, which results from their cognitive-pragmatic characteristics and consists in the coexistence of the two layers in their meaning: that of “lexical content” as well as “pragmatic content” which helps to complete the proposition expressed.

Key words: pronominal semantics, deixis, relativity, context-dependance, cognitive linguistics, pragmasemantics